

как исторический источник. Автор высказывает также ряд убедительных соображений о художественном назначении циклизации исторических песен, о незавершенности образов в изолированном от цикла отдельном песенном сюжете.

Можно отметить, однако, что не все положения автора рецензируемой книги достаточно тщательно аргументированы. Встречаются выводы и утверждения чрезмерно категоричные, сформулированные слишком прямолинейно. Так, им отвергается всякое родство между народной исторической прозой и народной исторической поэзией. Если Б. Н. Путилов утверждает, что песни не перелагались из преданий, а складывались на почве самой действительности, то это еще не основание «отвергать с порога» все возможные формы взаимосвязи жанров. Нельзя же отрицать того факта, что песни могли превращаться в историческую прозу, как превратилась былина об Илье Муромце в белорусскую сказку или песня о Платове-казаче в прозаическую легенду (запись Сержпутовского, публикация 1926 г.). Общеизвестны и случаи былинной обработки сказочных сюжетов.

По сравнению с другими главами, где исследователь оперирует подлинным фольклорным материалом, во многом гипотетичной (что признает и сам автор) и не всегда убедительной кажется гл. II, где реконструируется предполагаемый «язанский цикл». Невозможно доказать, что эпическое произведение о Евпатии Коловрате не былина, а историческая песня. Нет пока достаточных оснований и для того, чтобы признать существование именно исторической песни, посвященной Олегу Красному, а не каких-то других фольклорных отголосков, связанных с этим именем. Полемизируя с историками древнерусской литературы, находящими исторические песни в летописях, Б. Н. Путилов справедливо ссылается на отсутствие следов этих песен в живой фольклорной традиции (стр. 38). Однако этот упрек возвращается к нему самому, когда речь идет о существовании целого «язанского цикла». Почему же устная традиция, так великолепно сохранившая «Авдотью-Рязаночку», не донесла хотя бы в отрывках или переработках песен о Евпатии Коловрате и Олеге Красном?

Не всегда можно согласиться с выводами автора по поводу отдельных сюжетов, например, признать песню об осаде Пскова Стефаном Баторием столь художественно несовершенной, подражательной и схематичной, как считает Б. Н. Путилов (стр. 190). И песня об осаде Пскова, и песня о взятии Казани, и другие образцы ранней военно-исторической поэзии, не обладая масштабностью и эпической детализацией былин, отличаются зато драматической напряженностью сюжета, более ярко выявленной эмоциональностью. Сомнительно утверждение, что песня о взятии Ермаком Сибири не могла сложиться позже XVI в.; сам Б. Н. Путилов считает ее возникновение обусловленным известным отходом от событий (стр. 262). И данная песня, и некоторые другие, более поздние, скорее всего являются произведениями «вторичного происхождения», в основе которых лежат уже успевшие стать традиционными образы и ситуации песен более ранних, непосредственно связанных с действительностью.

Высказанные здесь критические замечания относятся к частностям в монографии Б. Н. Путилова. Общий же характер его работы представляется очень плодотворным. Особенно следует отметить внимание к эстетической природе жанра, умение заново прочесть давно известные песенные сюжеты, тщательность текстологического анализа, предшествующего исследованию каждой песни. Несомненно, что настало время для углубленного исторического изучения и других видов русского фольклора.

Э. Литвин

Г. Ю. Герби́льський. *Передова суспільна думка в Галичині (30-і — середина 40-х років XIX століття)*. Львів, 1959, 160 стр.

В истории этнографических знаний до настоящего времени остается малонизученным развитие науки в Галицкой и Угорской Руси. Книга Г. Ю. Герби́льського «Передовая общественная мысль в Галичине» в некоторой степени восполняет этот пробел. Она освещает период национального возрождения, с которым, естественно, было связано пробуждение интереса у передовых кругов общества к этнографии и фольклору. Важным является то, что работа знакомит нас, в частности, с деятельностью идеологов национального возрождения Галичины 30—40-х годов XIX в., известных собирателей фольклора и этнографических материалов — М. С. Шашкевича, И. Н. Вагилевича и Я. Ф. Головацкого.

В еще недостаточно исследованной истории славянского национального возрождения в Юго-Восточной Европе один из наименее изученных участков — славянское национальное возрождение в Галичине. Между тем, для 30—40-х годов XIX в. характерно проявление горячего интереса местных культурных деятелей к истории, этнографии и фольклору родного края. Рецензируемая книга содержит материал, характеризующий период перед революцией 1848 года.

После раздела Польши в 1772 г. Галиция, как известно, стала частью австрийской империи Габсбургов. На территории Галиции искусственно было создано королевство

Галиции и Лодомерии, объединявшее западную Галицию, населенную поляками, и восточную Галицию, в которой помещики и администрация были польскими, а галичане — основное население — были потомками древнерусской народности, сохранившими несколько наречий родного языка. По численности они составляли две трети населения всего королевства. Двенадцать округов, населенных ими, и назывались Галичиной.

Останавливаясь на невыносимом положении галицких крестьян, автор приводит данные о многочисленных крестьянских восстаниях, которые жестоко подавлялись с помощью военной силы. Он также касается мануфактур, первых фабрик, развития ремесла.

Отдельная глава (стр. 24—28) отведена просвещению в Галичине и роли интеллигенции. Говоря о студентах Львовского университета, автор подчеркивает, что большинство слушателей богословского и философского факультетов были воспитанниками Львовской духовной семинарии, и именно в этой среде учащихся, чрезвычайно бедных, которые должны были в дальнейшем стать сельскими священниками, особенно сильны были передовые идеи. Эта молодежь и составила ядро передовой интеллигенции Галичины 30—40-х годов XIX в. Из их среды вышла так называемая Русская троица: М. С. Шашкевич, И. Н. Вагилевич и Я. Ф. Головацкий, которые оставили обширный фольклорно-этнографический материал, а также и исследования. Г. Ю. Гербицкий подчеркивает огромное значение развития науки и культуры в России на формирование передовой общественной мысли в Галичине.

Параллельно с галицкой прогрессивной интеллигенцией развивали активную деятельность и польские демократические организации. Во второй половине 1840-х годов в Галичине вели революционную пропаганду польские демократы Эдвард Дембовский и Юлиан Гослар.

К реакционному лагерю принадлежали приверженцы феодально-крепостнического порядка, защитники австрийского абсолютизма, прежде всего верхушка униатского духовенства во главе с митрополитом Михаилом Левицким, который жестоко преследовал слушателей униатской духовной семинарии за их прогрессивные взгляды.

Останавливаясь на роли Ставропигийского института¹ в рассматриваемый период, автор называет его «своего рода придатком к австрийским государственным органам в Галичине» (стр. 30).

Основное место в книге отведено деятельности Русской троицы. В начале 1830-х годов три студента Львовского университета (одновременно они оставались воспитанниками Львовской семинарии): Маркиан Семенович Шашкевич (1811—1843), Иван Ниголаевич Вагилевич (1811—1866) и Яков Федорович Головацкий (1814—1888) основали кружок, просуществовавший до смерти М. С. Шашкевича. Трех друзей объединяли общие воззрения на судьбы родного края, любовь к родной истории, этнографии и фольклору. Друзья избрали литературные псевдонимы: Руслан (Шашкевич), Далибор (Вагилевич) и Ярослав (Головацкий). Любопытно, что митрополит Левицкий, считая имя Руслан видоизмененным Russland, Россия, ставил выбор этого псевдонима в особую вину Шашкевичу (стр. 46). Автор дает характеристику их просветительской деятельности, особо останавливаясь на том вкладе, который они сделали в этнографическое исследование Галичины. По словам Я. Ф. Головацкого, «решено было, что нужно идти между народ, исследовать на месте, собирать из его собственных уст песни... учиться у него его мудрости»². Я. Ф. Головацкий совершил несколько путешествий по Галичине, записывая песни, пословицы и поговорки и, несмотря на научные этнографические цели этих путешествий, едва избежал ареста. Побывав в Прикарпатье и в Закарпатье, он собрал огромное количество песен и дум, которые были изданы лишь в 1863 г.³ Это издание является до настоящего времени важнейшим источником изучения фольклора и этнографии Галицкой и Угорской Руси. Большое значение имеет и труд Я. Ф. Головацкого «Великая Хорватия»⁴, содержащий ценный историко-этнографический материал.

В начале 1830-х годов И. Н. Вагилевич и Я. Ф. Головацкий прошли пешком на запад от Львова до Сандомира, изучая быт и говор галицкого населения. И. Н. Вагилевич совершил также несколько самостоятельных этнографических поездок по Галичине. Он ставил своей целью также пробуждать самосознание народа; вскоре он был арестован и отдан на попечение отцу, «чтобы не шатался по деревням и не возмущал на-

¹ Ставропигийское братство, или Ставропигион, возникло во Львове в XVI в. и было центром сопротивления полонизации Галичины, проводившейся польскими панями. В конце XVIII в. братство было преобразовано в Ставропигийский институт. Типографию Ставропигийского института основал русский первопечатник Иван Федоров.

² Я. Ф. Головацкий, Воспоминание о Маркиане Шашкевиче и Иване Вагилевиче, «Литературный сборник, издаваемый галицко-русскою матицею», Львов, 1885, стр. 22.

³ См.: «Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким», М., 1878, ч. 1—3.

⁴ Я. Ф. Головацкий, Великая Хорватия, или Галицко-карпатская Русь, «Москвитянин», 1841, ч. VI, № 11—12, стр. 213—232, 457—467.

род»⁵. М. С. Шашкевич также собирал народные песни и думы Галичины. Следует отметить, что все трое известны еще и как галицкие литераторы⁶.

Первым их печатным трудом был научно-литературный сборник «Зоря». Он должен был открываться портретом Богдана Хмельницкого и содержать народные песни и думы, стихи и статьи. «Зоря» была запрещена австрийской цензурой. Не пропустила цензура и следующего сборника «Русалка Днестровая». В сборниках не содержалось прямых революционных выступлений, но сам факт выхода в свет галицко-русского издания на народном языке, воскрешавшем древнерусские традиции Галичины, вызывал опасения габсбургского правительства. На членов Русской троицы посылались репрессии, причем их обвиняли в связях с русскими учеными, в нарушении дисциплины и грозили исключить из семинарии, что означало в тех условиях остаться без куска хлеба. Однако просветители продолжали свои исследования. Опубликовать их пришлось значительно позже. Сборник «Русалка Днестровая» Головацкому удалось издать впоследствии в Будапеште в 1837 г., и часть тиража все же попала в Галичину. Еще один сборник — «Венок русинам на обжинки» вышел в 1846 г. в Вене.

Трагическая сложилась дальнейшая судьба всех трех собирателей. М. С. Шашкевич после окончания семинарии получил бедный приход и вскоре умер от туберкулеза, 32 лет от роду. И. Н. Вагилевич всю жизнь боролся с беспросветной нуждой. Я. Ф. Головацкий, проживший дольше своих друзей, наконец эмигрировал в Россию.

Г. Ю. Гербицкий показывает, что все они питали ненависть к крепостничеству, воспевали борьбу крестьян Галичины против угнетателей. В книге рассматриваются также воззрения Русской троицы на национальный вопрос в Галичине. Просветители выступали против взглядов на галичан как на часть польской нации, против попыток ввести польский алфавит в Галичине вместо кириллицы (статья М. С. Шашкевича «Азбука и Абецадло»). Они обращались к истории древнерусского государства, в которое составной частью входило Галицкое княжество, высоко оценивали благотворную роль русской и украинской литературы в развитии литературы Галичины.

Автор останавливается также на деятельности ряда просветителей, близких Русской троице, в частности И. Бирецкого и Г. Илькевича. Илькевич издал в 1841 г. в Вене сборник галицких поговорок и загадок.

Незаслуженно малое место отведено деятельности Д. И. Зубрицкого (1777—1862) — галицкого историка, писателя, этнографа, также тесно связанного с Русской троицей. Однако Г. Ю. Гербицкий старается представить его идейным противником Русской троицы, что едва ли верно (об этом смотри подробнее ниже). В работе освещается связь Русской троицы с русскими и украинскими учеными и литераторами — И. И. Срезневским, М. А. Максимовичем, О. М. Бодянским, а также с М. П. Погодиным. Автор отмечает, что у галицких просветителей и М. П. Погодина во многом взгляды резко расходились (см. стр. 103). Приводятся также данные о их связях с передовыми польскими, чешскими, словацкими и другими деятелями.

Книга заканчивается сведениями о польском прогрессивном движении в Галичине в рассматриваемый период; к сожалению, этот раздел слабо связан с предыдущим изложением.

Следует признать правильным стремление автора показать литературное движение в галицкой среде в тесной связи с социальными движениями. Заслуживает внимания и попытка автора выявить прогрессивную роль передовых представителей галицкого низшего духовенства. Напомним, что они были воспитанниками Львовской семинарии, студентами Львовского университета, частично — выходцами из народа. Они дали немало борцов против крепостничества и национального угнетения.

В то же время автор высказывает ряд положений, с которыми мы не можем согласиться. Уже историографическое введение требует дополнений. Автор останавливается на анализе марксистских работ, а также работ русских, чешских и польских ученых. Однако некоторые важные работы автором не привлекаются⁷.

На наш взгляд, автор не учел специфики весьма сложной обстановки, в которой работали передовые деятели Галичины, обусловленной национальной политикой габсбургского правительства. Приводя слова Я. Ф. Голозацкого о том, что в Галичине все помещики считаются поляками, однако среди них добрая половина «дворян русских», которые «отреклись от народности русской» (например, род Потоцких, Комарницких), автор делает оговорку, что галицкие помещики были по происхождению польской и украинской национальности, точнее — католического и униатского вероисповедания и что упоминаемые Головацким графы Комарницкие «не потеряли некоторых черт украинской народности, принадлежали к униатской церкви и даже принимали участие в ее делах» (стр. 19). Не будем говорить о том, что считать признаком украинской народности, притом, очевидно, единственным, принадлежность к униатской церкви —

⁵ Я. Ф. Головацкий, Воспоминание о Маркиане Шашкевиче и Иване Вагилевиче, стр. 28.

⁶ Об их литературном творчестве в частности подробно см.: Ф. Ф. Аристов, Карпато-русские писатели, М., 1916, т. 1.

⁷ См.: «История украинской литературы». Киев, 1954, т. 1; М. І. Марченко «Українська історіографія», Видавництво Київського університету, Київ, 1959, Ф. Ф. Аристов, Указ. раб.

странно для историка-марксиста. Если предположить даже, что Комарницкие действительно сохранили некоторые национальные черты, то все-таки они составляли редкое исключение на фоне польских или окончательно ополячившихся помещиков Галичины. К сожалению, автор недостаточно подчеркнул эту особенность, пытаясь найти «украинских помещиков» и, таким образом, исключение возвести в правило. Кроме того, под украинскими помещиками он зачастую подразумевает не украинцев по национальности.

В связи с этим необходимо указать, что автор даже не пытался полностью разобратся в национальном вопросе Галичины. Правильно отмечая, что члены Русской троицы боролись против попыток колонизации Галичины, автор не отвечает на вопрос кем же все-таки считали себя сами деятели галицкого национального возрождения? В тех случаях, когда у И. Н. Вагилевича или Я. Ф. Головацкого стоит в оригинале «русский» (иногда «русский», или «русин»), автор обозначает эти термины словом «русский» и дает им перевод — «украинский». Между тем, если внимательно прочитать произведения Вагилевича или Головацкого, которые цитирует автор, становится ясно, что именно подразумевали они под словом «русский». В рассматриваемый период крестьяне Галичины называли себя русскими. Это самоназвание сохранялось с глубокой древности, со времен Галицко-Волынского княжества, вызывая яркую ненависть польских помещиков и австрийского правительства, усердно пытавшихся доказать, что галицкие «рутены» (официальное австрийское название галичан) ничего общего не имеют с русским народом, хотя галичане в действительности являются потомками одной из ветвей древнерусской народности.

При чтении книги создается ложное впечатление, что М. С. Шашкевич, И. Н. Вагилевич и Я. Ф. Головацкий были чуть ли не единственными представителями передовой общественной мысли в Галичине в 30—40-е годы. В частности, Г. Ю. Гербельский пытается противопоставить их (как упоминалось выше) Д. И. Зубрицкому. Автор прав, когда указывает на разницу воззрений двадцатилетних студентов-разночинцев и польского ученого, выходящего из обедневшей дворянской семьи. Мы не собираемся поднимать здесь сложный вопрос о взглядах Д. И. Зубрицкого, но должны лишь сказать, что выводы Г. Ю. Гербельского не подтверждаются материалами, на которые он сам ссылается⁸.

Гербельский в рецензируемой книге критикует Л. А. Коваленко, который в статье об исторических взглядах И. Франко «Історичні погляди І. Я. Франка» характеризует Д. И. Зубрицкого как идеолога украинских помещиков и духовенства Галичины. Правильно отмечая, что идеологом духовенства Зубрицкий никогда не был, Гербельский повторяет другие ошибки Коваленко и бездоказательно называет Д. И. Зубрицкого «заядлым крепостником» (стр. 80). Единственным основанием для этого служит мнение Д. И. Зубрицкого, высказанное им в 1819 г., что барщина является наследием обоюдной необходимости и соглашения (стр. 80). Досадно, что автор игнорирует высказывание Д. И. Зубрицкого об освобождении крестьян: «Их не желавших, не думавших, освободили на чужой кошт от обязанностей, работой исправляемых для помещика, а обременили их государственными, земскими и общинными налогами и работами. Легче было отработать один или два дни в неделю барину, употребив к тому домашнюю челядь, как теперь платить огромные подати». С горечью говорит Д. И. Зубрицкий о крестьянах, что «множество уже обнаженных бродит по городам и местечкам»⁹. Пусть даже Зубрицкий не понимал прогрессивности акта освобождения крестьян от крепостной зависимости — одно его сочувствие к тяжелой доле обманутых крестьян является фактом весьма знаменательным. Смелая позиция Д. И. Зубрицкого вызвала постоянное противодействие австрийских властей. Так, 26 февраля (10 марта) 1841 г. Зубрицкий сообщает, что книги, посылаемые ему из России, идут прямо в комитет полиции и цензуры¹⁰. 9(21) апреля 1858 г. он пишет о потере на почте своего письма к М. П. Погодину¹¹ и т. д. В дальнейшем Д. И. Зубрицкий претерпел много моральных и материальных трудностей при издании своей «Истории древнего Галицко-русского княжества»¹² и умер в нужде. Едва ли можно говорить о симпатиях, которые якобы питали к нему австрийские власти. Только некоторая осторожность и лояльность по отношению к Австрии, свойственная, кстати, многим деятелям Галичины, в том числе и Русской троице, избавили Д. И. Зубрицкого от прямых преследований. Едва ли можно говорить, что габсбургское правительство ему «доверяло» (стр. 81).

Не соответствует истине и утверждение Г. Ю. Гербельского, что весть о преследованиях Русской троицы полицией вызвала у Зубрицкого «стремление прекратить с нею всякие связи» (стр. 83). Автор ссылается на письмо Зубрицкого к Погодину от начала 1842 г., где он пишет, что не может передать записки от Погодина Ва-

⁸ Необходимо отметить, что в советской историографии вопрос о взглядах Д. И. Зубрицкого остается еще открытым. Так, характеристика Д. И. Зубрицкого в работе М. І. Марченко «Українська історіографія» (Київ, 1959) отличается от характеристики Г. Ю. Гербельского.

⁹ Письма к М. П. Погодину из славянских земель, М., 1880, вып. 3, стр. 609.

¹⁰ Там же, стр. 552.

¹¹ Там же, стр. 606.

¹² Д. И. Зубрицкий, История древнего Галицко-русского княжества, Львов, 1852—1855, ч. 1—3.

гилевичу и Головацкому, так как последние на подозрении у австрийского правительства. Однако Д. И. Зубрицкий по-прежнему выражал им симпатии, хлопотал о них¹³. Очевидно, автору осталась не известной книга, изданная Студницким, где помещены дружеские письма Д. И. Зубрицкого к Я. Ф. Головацкому в этот период¹⁴.

Пытаясь противопоставить Д. И. Зубрицкого Русской троице, Г. Ю. Гербицкий отмечает, что тот не имел ничего общего со взглядами Шашкевича, Вагилевича и Головацкого (стр. 81), и тут же прибавляет, что в отдельных вопросах «оценки "троицы" и Зубрицкого сближались», — так у них были сходные взгляды по вопросу о претензиях польской шляхты на Восточную Галичину, т. е., добавим мы, по самому кардинальному вопросу.

Ни словом не упоминает автор и об этнографической деятельности Д. И. Зубрицкого. Между тем, еще задолго до этнографических работ М. С. Шашкевича, И. Н. Вагилевича и Я. Ф. Головацкого Зубрицкий первым в Галичине обратил внимание на огромное историческое значение народных песен Галичины, на их своеобразие и красоту и опубликовал некоторые из них вместе с нстами в своей работе «О галицких народных песнях», вышедшей во Львове в 1823 г.

В заключение следует еще раз отметить, что книга выиграла бы, если бы автор более продуманно подошел к сложному вопросу об этнической принадлежности галичан и не допускал бы терминологической путаницы в определениях.

Т. Аристова

Б. О. Долгих. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.* Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Новая серия, т. LV, М., 1960, 622 стр.

Книга Б. О. Долгих, посвященная анализу родоплеменного состава народов Сибири в XVII в., представляет собой результат многолетних исследований автора. Установление этнического состава и этнографической структуры коренного населения Сибири в период включения ее в пределы Русского государства является большим открытием. Решить эту смелую задачу, о которой еще недавно могли только мечтать сибиреведы — историки и этнографы, автору удалось благодаря включению в научный оборот новых исторических источников, сплошного их исследования с привлечением позднейших этнографических, топонимических, лингвистических и статистических данных. Документальной основой работы являются архивные материалы XVII в.

Народы Сибири интересовали царизм главным образом как поставщики драгоценной пушнины. Естественно, что усилия местной русской администрации были направлены в первую очередь на сбор ясака — подати, выплачиваемой мехами. В XVII в. выработалась определенная система взимания ясака с сибирских народов. Документально о ясачном сборе (книги сбора ясака, сметные и пометные списки, шертвозальные росписи, донесения о сборе и недоборе ясака), являющиеся своего рода статистическим материалом (в них указана численность ясачных плательщиков, количество внесенной пушнины), послужили основным источником для определения численности отдельных родоплеменных групп XVII в. Применяя различные коэффициенты к числу упомянутых в документах ясачных людей, автор определил численность всего населения той или иной группы, уезда или волости.

Упоминания о районах кочевек, пунктах сбора ясака, местах столкновений, встречающиеся в документах XVII в., в сопоставлении с этнографическими данными о расселении отдельных народностей, позволили нанести на карту ареалы распространения всех крупных родоплеменных групп Сибири. Свой метод автор очень кратко изложил во введении. Приводимый в книге обширный материал — в соответствии с источниками — сгруппирован по уездам.

Первая часть работы территориально охватывает всю Западную Сибирь и состоит из двенадцати глав, соответствующих двенадцати уездам; вторая часть — Среднюю Сибирь (шесть глав), третья часть — Восточную Сибирь (две больших главы). В каждой главе автор указывает границы уезда, приводит данные об основании главных острожков и зимовий и материалы, показывающие численность и движение населения на протяжении XVII в., а также расселение, этническую принадлежность и родоплеменную структуру каждой этнической группы. Логическим завершением работы служит карта распространения этнических групп, племен и родов народов Сибири в XVII в. и сводная таблица, показывающая численность и этнический состав коренного населения Сибири.

Не владеясь в пересказ содержания каждой из двадцати глав, мы позволим себе отметить то основное и новое, что дает рецензируемая работа в отношении истории и

¹³ См.: «Письма к М. П. Погодину из славянских земель», вып. 3, стр. 570.

¹⁴ См.: «Корреспонденция Якова Головацкого в летах 1835—1849», Львов, 1909.